

КЛИФФОРД
САЙМАК

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
КОЛЛЕКЦИЯ
АСТИКИ
ЛЕКЦИЯ
ТИКИ
ЦИЯ
КИ
ИЯ
И
Я

КЛИФФОРД
САЙМАК

МАГИСТРАЛЬ
ВЕЧНОСТИ

СБОРНИК

Москва
2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
С14

Clifford D. Simak

A CHOICE OF GODS © 1971 by Clifford D. Simak
A HERITAGE OF STARS © 1977 by Clifford D. Simak
SPECIAL DELIVERANCE © 1982 by Clifford D. Simak
HIGHWAY OF ETERNITY © 1986 by Clifford D. Simak

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Саймак, Клиффорд.

С14 Магистраль Вечности : [фантастические романы : перевод с английского] / Клиффорд Саймак. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 736 с.

ISBN 978-5-699-94075-2

В данном томе собраны лучшие произведения позднего творчества Клиффорда Саймака.

В романах «Выбор богов» и «Звездное наследие» писатель рисует печальную картину заката человеческой цивилизации и размышляет о поиске новых путей развития общества. В романах «Живи высочайшей милостью» и «Магистраль Вечности» тема упадка цивилизации переплетается с излюбленной темой Саймака — контактом с иным разумом. Но все произведения пронизывает общий лейтмотив веры в разум, способный противостоять страхам и невежественности.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© А. Александрова, перевод на русский язык, 2017
© О. Битов, перевод на русский язык, 2017
© Е. Воронько, перевод на русский язык, 2017
© М. Гитт, А. Шаров, перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
«Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-94075-2

Поздний Саймак: в осенней вселенной в поисках Бога

1

В 1971 году Клиффорд Дональд Саймак опубликовал рассказ «Земля осенняя» о безработном инженере, у которого не осталось в этом мире никаких привязанностей. Возможно, поэтому герой выпадает из времени. Сначала он заглядывает в будущее — и видит там ядерную войну; потом приходит в деревню, где каждый день похож на вчерашний и завтрашний, где каждую ночь восходит полная луна, где царит вечная осень.

Когда Саймак писал этот рассказ, ему было 67 лет, и он, конечно, чувствовал старость. Собственно, «Земля осенняя», несмотря на молодого героя, — рассказ о старости, типичный для позднего Саймака: изощренная проза, сложная композиция, тонкий психологизм, и при этом — ноль объяснений. Нам не сообщается, отчего герой видит будущее, и кто такой Молочник, заботящийся о жителях деревни, и что это за деревня. Есть только намеки, размытые, как сам Молочник, «то ли человек, то ли призрак». Может, мир ждет катастрофа — и добрые инопланетяне спасают отчаявшихся, а Молочник — робот, призванный заботиться о людях? Или же герой мертв, а деревня — это преддверие потусторонней жизни, в котором души отдыхают, прежде чем двинуться дальше? Так или иначе, это рассказ о вечной осени, традиционно означающей старость — сумерки жизни, ожидание перехода в неизвестное, время, может быть, итогов, но уж точно не перемен.

Велико искушение сказать, что мир позднего Саймака, а точнее, миры — он часто писал о времени как о не имеющей начала и конца череде миров, «тянущейся в прошлое и в будущее, хотя нет ни прошлого, ни будущего», — это именно такая осенняя вселенная: безбурная, повторяющаяся, возвращающая читателя к прежним темам, образам, героям. Примерно так о Саймаке чаще всего и говорили: в пожилом возрасте он обыгрывал в книгах то, о чем писал в зрелости. Множественность реальностей, пастораль Среднего Запада, путешествия во времени, разумные роботы, больше похожие на людей, чем сами люди... Добавилась разве что тема религии, но, если хорошенько поискать, она обнаружится и в более ранних текстах. Ничего нового — а значит, и читать то, что Саймак писал в 1970-е и 1980-е, не столь уж обязательно.

Вряд ли можно ошибиться больше. Вероятно, критики — среди них Джон Клют, написавший статью о Саймаке в своей глобальной «Энциклопедии НФ», — отчасти и правы, но вопрос ведь в том, что именно доказывал и показывал Саймак через похожие темы и образы. Да, сегодня Саймак на Западе непопулярен, но так было

не всегда. Пока фантаст был жив, он прекрасно чувствовал себя на литературном рынке, хотя конкурировал в основном с куда более молодыми людьми. Его рассказы, включая «Землю осеннюю», номинировали на главную премию англоязычной фантастики «Хьюго». В 1977 году по решению Ассоциации писателей-фантастов Америки Саймак стал третьим после Роберта Хайнлайна и Джека Уильямсона Грандмастером. В начале 1980-х 77-летний (!) фантаст кроме номинации на «Хьюго» своего романа «Проект “Ватикан”» получил главные премии («Хьюго», «Небьюла», «Локус», «Аналог») за рассказ «Грот танцующих оленей», написанный на банальную, казалось бы, тему бессмертия, развернутую под очень неожиданным углом.

Может, дело в том, что у всякого писателя есть свой литературный возраст, и у Саймака — единственного из фантастов первого ряда — это не молодость и не зрелость. «О стариках я писал в молодости, — говорил он в 1980 году. — Странно, но когда я был молодым, во мне глубоко сидело почтение к старости. Мне не казалось, что старость — это что-то ужасное... Теперь мне 75 лет, и я вижу, что старость не так плоха! Это лучшее время жизни...»

2

Саймак вообще был писателем поздним: первый, незрелый роман «Космические инженеры» написал в 34 года, серьезные книги, включая замечательный «Город», стал издавать, когда ему было под пятьдесят. А главное, он всегда, что в молодости, что в старости, тяготел к описанию «земель осенних», к пасторалям и элегиям. Осенние интонации различимы уже в рассказах 1930-х и 1940-х, а начиная с «Города», «Кольца вокруг солнца», «Нет ничего проще времени» они начинают доминировать.

Поэтому, быть может, поздний Саймак — это лучший Саймак. Сам он, во всяком случае, думал именно так. Его считали фантастом золотого века (конец 1930-х — начало 1950-х), но он ту эпоху не любил и ощущал себя писателем современным. Как писатель Саймак и не думал замыкаться в прошлых достижениях: когда в середине 1970-х Гарри Гаррисон попросил его принять участие в антологии памяти лучшего редактора золотого века Джона Кэмпбелла и дописать главу к «Городу», он впервые за полтора десятка лет перечитал роман — и ужаснулся:

«Мне захотелось вернуться в прошлое и его переписать. Это книга сырая и незрелая, в ней нет искусства, нет мастерства, которое прибавляется с каждым новым романом. Я знаю, что если бы переписал «Город», книга стала бы куда лучше, искуснее, — но дух ее был бы утрачен безвозвратно... Писатели развиваются и меняются, это неизбежно. Смещаются взгляды, трансформируются идеи, разнообразятся и переоцениваются ценности... То, что было важно 20 лет назад, сегодня уже не важно. Сегодня важнее нечто совсем иное».

Что было важно для Саймака в эти поздние, осенние годы?

Его жизнь как была, так и осталась кошмаром биографа: в ней словно ничего не происходило, разве что в 1976 году Саймак завершил многолетнюю карьеру журналиста, уволился из газеты «Миннеаполис Сандэй Трибьюн» и стал фантастом-пенсионером. Он всё так же жил в Миннеаполисе с семьей — супругой Агнес (урожденной Кухенберг; он называл ее Кэй) и двумя детьми. Рыбачил «ленивым способом — я лежу в лодке и жду, пока рыбы ко мне подплывут», коллекционировал марки, играл в шахматы, выращивал розы, много читал. Сочинять, как и раньше, он старался каждый день, хотя получалось не всегда: «Я сажусь за стол, и если ничего не придумывается в течение 15—20 минут, считаю, что день плохой, и встаю из-за стола».

В 1983 году эмфизема и лейкоemia заставили Саймака отказаться от сочинительства. Ухудшилось и здоровье жены: Кэй страдала от артрита, и Саймак постепенно взял на себя заботы по дому. В сентябре 1984 года у его жены случился удар, и семья вынуждена была поместить ее в дом призрения; в декабре 1985 года она умерла. Саймак всегда говорил, что если Кэй уйдет раньше него, причин жить не останется, — неслучайно в посвящении к роману «Снова и снова» сказано, что без жены он не написал бы ни строчки. Тем не менее в 1986 году Саймак выпустил еще один, самый последний свой роман — «Магистраль Вечности». Он умер 25 апреля 1988 года во сне.

В те дни он сочинял очередной фантастический рассказ, который так и не закончил.

3

Работоспособности фантаста завидовал сам Хайнлайн: с 1970-го по 1986 год Саймак выпустил 15 довольно разных романов. Сидеть на освоенных территориях ему было неинтересно, он предпочитал дикий фронтир. Уже в «Заповеднике гоблинов» (1968) Саймак совершил успешный набег на территорию фэнтези, жанра, который переживал тогда невероятный расцвет. Правда, «Заповедник» — «сайенс-фэнтези», все его сказочные герои (кроме Духа) оказываются пришельцами, как и в «Зачарованном паломничестве» (1975), и в «Братстве Талисмана» (1978). Но «научная» компонента в этих книгах убывает, а в последнем фэнтезийном романе, «В логове нечисти» (1982), и вовсе сходит на нет.

Все романы фэнтезийного триптиха формально — квесты; что важнее, это еще и альтернативная история, к которой Саймак ранее не обращался. Действие «Братства» происходит в реальности, которая разошлась с нашей в XI веке: крестовый поход папы Урбана II наткнулся на Разрушителей, вторгшихся в Македонию и разоривших Европу. «В логове нечисти» — вариация на тему Римской империи, не распавшейся до нашего времени. В каждом из этих

миров есть своя версия христианства, более того, сюжет «Братства» вращается вокруг манускрипта, доказывающего существование Иисуса Христа: герою нужно доставить рукопись на арамейском в Оксенфорд (то есть Оксфорд), где живет человек, способный ее прочесть. И хотя содержание манускрипта остается для нас и для героев тайной, слова Бога оказываются действенными даже в таком виде: видимо, они — тоже своего рода магия, причем могущественнее магии прибывшего «со звезд» зла.

То, что христианство у Саймака появляется даже в фэнтези, не случайно: тема веры пронизывает многие его романы, и поздние — в особенности. Здесь есть загадка. Известно, что фантаст отнюдь не был религиозен и точно не жаловал организованную религию. Говоря о «Мастодонии» (1978), герои которой делают бизнес на путешествиях во времени, Саймак заметил: «Самым большим туристическим аттракционом было бы распятие, в основном потому, что мы — народ подвижный и заторможенный верой... Думаю, нам всем было бы намного лучше, если бы мы не цеплялись так за религию... Я бывал в маленьких городках, где ненависть между католиками и протестантами столь сильна, что протестант не купит ничего у торговца-католика и не обратится к католику-врачу, и наоборот».

С другой стороны, из-под пера Саймака вышел рассказ «Фото битвы при Марафоне» (1974), в котором есть всякие фантастические клише — банк знаний инопланетян, люди из будущего, трехмерные «фотографии» исторических событий — и который со всей очевидностью написан ради пары абзацев в финале. Среди прочего герой находит «фотографию» распятия, изображающую вполне зурядное событие, «обыденная смерть». Воинствующий атеист поглумился бы над религией, но Саймак пишет нечто совсем другое: «Из этого грустного и ничтожного события христианство может почерпнуть такую силу, какой никогда не даст ему вся символика воображаемой славы».

Саймак, надо признать, был сложной натурой. При всем своем антиклерикализме он еще в начале 1960-х писал в частном письме: «Я могу назвать себя христианином-неформалом. Временами я читаю Библию. Изредка хожу в церковь, но формально не связан ни с какой конфессией... Я верю — скорее как мистик — в высшую силу, куда менее формализованную, чем считает большая часть религий. Когда я смотрю на то, как четко и гладко функционирует организм космоса, не поверить в эту силу я не могу. При этом я несколько сомневаюсь в том, может ли эта сила быть личным Богом».

Сложно не согласиться с Робертом Эвальдом (автором одной из редких книг о фантасте, названной цитатой из «Города»: «Когда ярко пылает огонь в очагах и дует северный ветер») в том, что поздний Саймак — автор мистический. Может, слово «метафизический» подошло бы лучше: Саймака в старости волновали вопросы вселенского масштаба, неизбежно смыкающиеся с религией и ве-

рой. Что делает разумное существо разумным существом? Если это душа — что такое «душа»? И не теряют ли душу люди, увлекшиеся техническим прогрессом? По каким законам функционирует вселенная, равнодушна она к нам или наоборот? Есть ли в ней что-то, что помогает нам не сбиться с пути, — иными словами, Бог?

На все эти вопросы отвечает один из лучших, если не лучший роман Саймака — «Выбор богов» (1972). Сам фантаст говорил, что эта книга — его «окончательная декларация ценностей» и что он сочинил ее, опасаясь не успеть сказать то, что должен был сказать. Фантазия Саймака разгулялась при этом не меньше, чем в «Городе»: здесь есть исчезновение большей части человечества, многотысячелетние герои, силой мысли странствующие по космосу, обретающие сверхспособности индейцы, принявшие христианство роботы, разумные деревья, пришелец, прибывший на Землю, чтобы обрести душу, таинственный Проект... Всё это — части единого целого, которые в нужный час встанут на свои места, чтобы главная философская теория Саймака была изложена во всей красе.

В «Выборе богов» сконцентрированы все важные для автора истины. И признание того, что техника заводит человечество в тупик, мешая нам эволюционировать. И вера в то, что космосом управляет некий сотворивший его Принцип, «направляющая сила, мозговой центр, то, что делает вселенную единым целым и приводит ее в действие»; этот Принцип может казаться нам злым, холодным и равнодушным, но на деле он морален — и вмешивается, когда мы сбиваемся с верного эволюционного пути. И надежда на то, что нас спасет главное, что только есть в Принципе, этом странном саймаковском Боге, — движущая электроны и галактики любовь, возникающая из небьятного знания. И даже буддийская мысль о том, что обрести душу — значит избавиться от страданий. Как говорит Саймак устами героя, «душа — состояние ума». Позднее, в «Проекте “Ватикан”», такое же определение будет дано раю, и вряд ли это случайный повтор.

4

Мотивы «Выбора богов» Саймак углублял в других романах, попутно ставя грандиозный литературный эксперимент и доказывая те же истины в разных формах и жанрах: от фэнтези и аллегии до жесткой НФ и реализма, от линейных квестов вроде «Звездного наследия» (где тоже есть давняя катастрофа и отказ от технического прогресса) до полифонических романов а-ля «Проект “Ватикан”» (где роботы тоже ударились в подобие христианской религии и конструируют божество).

Любопытно, что мысли Саймака иногда дословно совпадали с тем, что по другую сторону железного занавеса писали братья Стругацкие. Вот цитата из «Выбора богов» о прогрессе: «Уничто-

жались цивилизации, стирались с лица земли культуры, погибали люди и надежды, игнорировалось всякое приличие. Все приносилось в жертву прогрессу. А что такое прогресс, подумал он. Как его определить? Мощь или нечто еще?» Сравните: «Прогресс может оказаться совершенно безразличным к понятиям доброты и честности... А можно понимать прогресс как превращение всех людей в добрых и честных» («Улитка на склоне»).

Стругацкие и Саймак — большая тема: впечатление такое, что они пребывали в общем идейном психополе. Скажем, разделение человечества в «Выборе богов» заставляет вспомнить роман братьев «Волны гасят ветер»: «Человечество будет разделено на две неравные части по неизвестному нам параметру, меньшая часть его форсированно и навсегда обгонит большую, и свершится это волею и искусством сверхцивилизации, решительно человечеству чуждой». Очевидны и параллели между «Пикником на обочине» и «Пришельцами» Саймака: там и там Землю посещают инопланетяне, разум которых столь отличен от нашего, что любые попытки истолковать их действия обречены на поражение.

«Пришельцы» — один из результатов литературного эксперимента Саймака: это роман психологический и, несмотря на фантастическое допущение, почти реалистический. Автора интересуют не пришельцы, а спектр реакций на контакт с непостижимым. Плюс параллель с завоеванием Америки. Инопланетяне несут нам такое же благо, какое нес белый человек индейской цивилизации: «Надо думать, пришельцы не представляют себе, что они с нами делают, потому что ничего не знают о сложной экономической структуре, которую мы создали у себя...»

Или нет? Саймак не питал иллюзии насчет «экономической структуры» (и часто высказывался в своих книгах). «Быть может, это самое лучшее из всего, что когда-либо случалось с нами, — говорит героиня романа про делающих бесплатные машины и дома пришельцев. — Это может нас встряхнуть... Покажет нам, что наша экономическая система слишком чувствительна, слишком неустойчива, потому что основана на фундаменте, который с самого начала никуда не годился. Что есть и другие ценности, кроме бесперебойной работы машин... Мы бы перестали быть крысами. Ведь социально и экономически мы крысы, крысиная раса. Мы стали бы людьми и смогли бы работать ради общих целей».

Схожий пассаж есть в «Выборе богов»: «Что за болезнь несет его раса? Смертельную для всех, кто с ней соприкасается. Началось это, сказал себе Джейсон, когда первый человек вскопал землю, посадил в нее зернышко и должен был охранять ее. Началось с появления собственности: на землю, на природные ресурсы, на рабочую силу... Индейцы не имели ни единого фута собственной земли, к собственности они относились с презрением, ибо она означала бы, что они привязаны к тому, чем владеют. А роботы, подумал он,

заложена ли в них идея собственности? Джейсон сильно в этом сомневался. Их общество должно быть еще более коммунистическим, чем у народа Красного Облака. Только его народ боготворил собственность, это-то и было его болезнью». Симпатии к коммунизму — не в советском, а в утопическом смысле слова — налицо; на Стругацких, изобразивших коммунистическую утопию в цикле о Полдне, Саймак был похож все-таки больше, чем может показаться. (Для позднего Саймака эти идеи были не новы: пожалуй, полнее всего он развил их в романе «Кольцо вокруг солнца».)

Еще любопытнее странное сходство между романом Саймака «Живи, высочайшей милостью...» и «Градом обреченным» Стругацких. «Живи...» стоит в творчестве фантаста особняком: эта книга не похожа ни на один его текст. Перед нами — весьма редкий зверь: замаскированная под НФ моральная аллегория.

Шесть героев разных мировоззрений и профессий — профессор, генерал, священник, инженер, поэтесса и робот — перенесены из своих параллельных миров на погибшую планету с загадочными артефактами. Ясно, что все шестеро — невольные участники эксперимента, поставленного неведом кем с непонятными целями. Сходство с «Градом обреченным» на этом не заканчивается: путешествие героев и философские беседы, которые они ведут в пути, тоже напоминают роман Стругацких. Один за другим персонажи поддаются искушениям — величием, раем, искусством — и пропадают. В одной из загадочных сцен героине являются «три больших лица, полностью закрывавшие собой небо» и смотрящие на нее с, как ей кажется, жалостью и безразличием (здесь уместно вспомнить о «холодности» Принципа из «Выбора богов» — и о том, что в христианстве Бог есть Троица).

Финал открывает суть эксперимента, но толком ничего не объясняет. В аллегории детали неважны. Важен вывод: голого разума нам недостаточно, людей делает людьми что-то еще. И еще важно, почему выживает именно главный герой. Ясного ответа нет, только намек: не потому ли, что он принял верное моральное решение, столкнувшись с Хаосом?

Итак, говорит нам автор, во вселенной есть основополагающий принцип, и он не связан ни с искусством, ни с техникой, ни с религией, ни с интеллектом, ни с выживанием. Этот принцип — морального свойства. Об этом думает и герой романа «Магистраль Вечности»: «Что, если законы вселенной все-таки основаны на элементарной этике?»

Вывод мистический — но от этого не кажущийся менее верным. Вот что говорил сам Саймак: «Когда вы имеете дело с жизнью... вы имеете дело с единым братством. Жизнь в масштабах Галактики

бессмысленна. Как может нечто, осознающее себя и пытающееся установить свои правила игры, выжить там, где правят бал законы физики и химии? Да жизнь плевала на эти законы, и в этом состоит суть ее всеобщего братства, к которому равно причастны разумный паук, червь или человек... Имея дело с пришельцем, мы общаемся не с чужаком, не с незнакомцем, а с чем-то очень близким нам самим».

«Магистраль Вечности» — последнее доказательство теоремы о Боге, продвигающее нас к пониманию того, что именно нами движет и какое состояние ума наделяет нас душой. История о семье, которую разбросало по разным временным потокам, о галактическом братстве живых существ, о том, что агентом-воплощением Принципа может быть кто угодно. Но, видимо, даже не это в книге главное.

Пересказывать роман бессмысленно еще и потому, что в нем нет целостности. О «Магистрале» пишут, что это самая слабая вещь Саймака, и, действительно, она производит впечатление непродуманной. На какие-то вопросы ответы есть, на другие их нет (кто создал Магистраль?), герои и целые планеты возникают и исчезают без следа, без всякой мотивации...

Рискну сказать, что Саймак явно понимал, какую именно книгу пишет. Ключ к «Магистрале» скрыт в том же «Выборе богов»: «А что будет, спросили мы себя, если построить бесконечного робота, такого, который никогда не может быть полностью завершен?» Ответ прост: робот станет Богом. А что будет, если написать бесконечный роман, который никогда не будет завершен? Роман, развертывающийся в сознании читателя именно потому, что он не целостен? Не будет ли и такой роман отражением Принципа?

...Мы не знаем, удался эксперимент Саймака или нет. Если судить по тому, что через 30 лет после смерти Саймак забыт западным фэндомом, что из всех его романов переиздаются только «Пересадочная станция», «Город» и еще пара вещей, что его поздние книги мало кто помнит, — может, и не удался. Но не исключено, что золотой век Саймака еще впереди. XX век поставил перед нами вопросы, но скомпрометировал ответы, по крайней мере те, что широко известны. Ответы Саймака не столь очевидны, но вполне могут оказаться верными. Вдруг о них еще вспомнят?

И тогда Саймак улыбнется нам со страниц своих книг. Или из личного рая, той самой осенней страны, в которую попал герой «Проекта “Ватикан”», из «времени отдохновения, размышлений, залечивания старых ран и забывания о них и о превратностях судьбы, которые нанесли душе эти раны». А то и с самой Магистрале Вечности, которая невидима, но всегда рядом.

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
КОЛЛЕКЦИЯ
АСТИКИ
ЛЕКЦИЯ
ТИКИ
ЦИЯ
КИ
ИЯ
И
Я
!

ВЫБОР БОГОВ

Глава 1

1 августа 2185 года. Итак, мы начинаем заново. В сущности, мы начали заново пятьдесят лет назад, но тогда мы этого не знали. Поначалу у нас была надежда, что люди остались где-то еще и что мы сможем продолжить жизнь с той самой точки, где остановились. Когда же мы опомнились от потрясения и стали яснее размышлять и разумнее строить планы, то вообразили, будто сможем опереться на имеющийся багаж. Через год нам следовало бы понять, а через пять лет — признать, что это у нас не получится. Сначала мы отказывались смотреть фактам в лицо, а когда все же пришлось, стали цепляться за какую-то бессмысленную веру. Возродить прежний образ жизни было невозможно: нас оставалось слишком мало, мы не имели специальных знаний, а старая техника, пришедшая со временем в негодность, не поддавалась восстановлению. Она была слишком сложна, и чтобы машины работали, требовался многочисленный, хорошо обученный персонал, а кроме специалистов — еще и энергия. Сейчас мы не более чем воронье, которое расклевывает труп прошлого; однажды от него останутся одни голые кости, и тогда мы окончательно окажемся предоставлены самим себе. Однако в течение многих лет мы воссоздавали — или, если угодно, заново открывали — древние знания и умения, необходимые для более простого образа жизни, и теперь эти элементарные навыки помогут нам не впасть в состояние первобытной дикости.

Никто не знает, что именно произошло; конечно же, это не мешает некоторым из нас строить теории, которые объясняют случившееся. Беда в том, что все наши теории сводятся всего-навсего к догадкам, которые во многом строятся на разнообразнейших ошибочных представлениях. У нас нет никаких данных, кроме двух очень простых фактов. Первый из них состоит в том,